

ПОГОНЯ И ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ШАМАНА ТОМСКОЙ ПИСАНИЦЫ

И. В. Ковтун

CHASE BY AND TRANSFORMATION OF THE SHAMAN FROM TOMSKAYA PISANITSA

I. V. Kovtun

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», Соглашение 14.B37.21.0954; Государственное задание НИР, регистрационный № 01203263112.

Работа посвящена сюжетной композиции Томской писаницы. На основе этнографических параллелей и атрибутики персонажей предлагается новая интерпретация мизансцены с антропоморфным образом и лосихой. Ключевое содержание сцены сводится к обретению шаманского достоинства при обращении к матери-зверю шамана.

The paper addresses a Tomskaya Pisanitsa composition. Based on ethnographic parallels and attributes of characters, a new interpretation of the scene with an anthropomorphic character and an elk cow is presented. The key meaning of the scene is the Shaman's statute appropriation through his invocation to the Shaman's Mother-Animal.

Ключевые слова: шаман, колотушка, Мировое дерево, лосиха.

Keywords: shaman, drum beater, World Tree, elk cow.

Данная композиция (рис.) имеет уже более чем сорокалетнюю и неоднократно изложенную интерпретацию: «На рисунках Томской писаницы в простодушной манере изображено участие самого человека, вернее антропоморфного духа – покровителя рода, – в размножении животных. Этот рисунок носит откровенно эротический характер» [4, с. 30 – 31].

Позднее персонификация этого «духа» сводится к предполагаемому прототипическому образу: «интересны мифы сибирских народов, в которых центральное место принадлежит космическому существу мужского пола, насильнику, олицетворяющему силы природы. Это существо у разных народов носит различные имена и выступает то в образе человека, то в зооморфном виде. Из древней мифологии Европы до нас дошли представления о Яриле – из славянской мифологии и Торе у скандинавов, олицетворяющем производительную силу вселенной, оплодотворяющем коров (? – И. К.) и женщин. Последний неизменно изображался с огромным молотом в руках. Близкую аналогию этому, более позднему образу мы встречаем среди рисунков Томской писаницы... Двумя линиями человек соединён с лосем. Одна из его рук крепко держит животное, а во второй он сжимает молот. У человека звериная голова с широким и рога-тым головным убором, похожим на сковороду, а его тонкие, почти лосиные ноги переплелись с задними ногами самки» [8, с. 211] (рис.).

Спустя сорок лет А. И. Мартынов повторил основную идею этой интерпретации: «обращают на себя внимание уникальные изображения, передающие действие, определённое “читаемое событие”. Сюда относятся изображение лосихи, которую оплодотворяет антропоморфное существо с колотушкой в руке и лосиными ногами. Можно предположить, что это изображение Тора, широко известное с древности в северной финно-скандинавской мифологии» [5, с. 67].

Но композиционный анализ сцены (рис. 1) не обнаруживает ни эротики, ни уверенно констатируемого

А. И. Мартыновым изображения акта божественного скотоложества. Думается, истоки подобной «эротомании» восходят к не критически усвоенному автором, но ничем не аргументированному и, следовательно, безосновательному тезису А. П. Окладникова связующего данное божество германо-скандинавской, (а не финно-скандинавской, как полагает А. И. Мартынов [5, с. 67]) мифологии, с персонажами байкальских петроглифических комплексов. Здесь же повторяется и более чем спорная идея Г. Кюна, искажающая ключевой, гендерный статус Тора, а равно его главного атрибута, как божества-громовержца основного мифа: «Молот, по его сходству с мужским производительным органом (?? – И. К.), олицетворяет мужскую производительную силу, творческую потенцию Тора» [7, с. 97]. В др.-исл. *mjǫllnir* “молот бога грома Тора” синоним значения “молния” [3, с. 715], а не олицетворение “фаллоса”, как представлялось Г. Кюну, А. П. Окладникову и одухотворённому этой идеей А. И. Мартынову. Но помимо данных противоречий очевидным нонсенсом представляется само перенесение сравнительно позднего персонажа германо-скандинавской мифологии в реалии эпохи бронзы юга Западной Сибири. Эта произвольная экстраполяция не сопровождается обоснованием оправдывающих её этнолингвокультурных соответствий и, следовательно, остаётся выдумкой авторов. Беспрецедентно и экзотическое предположение о сыне Одина Торе – великом боге-воителе и защитнике Асгарда, громовержце и змееборце, женатом на золотоволосой красавице богине Сиф, который, по мнению А. И. Мартынова, спаривается с парнокопытным (?).

Колотушка в руке антропоморфного персонажа не означает, что этим атрибутом олицетворялся образ территориально и хронологически весьма далёкого от южносибирских древностей эпохи бронзы, германо-скандинавского божества. Думается у этого изображения Томской писаницы (рис.) имеются более адекватные этнографические параллели.

У селькупов «Первый шаманский атрибут, получаемый молодым шаманом, – колотушка... Колотушка делается сородичами шамана... Колотушка имеет форму овальной лопасти маленького весла с ручкой. Лопасть слегка изогнута. Длина колотушки около 46 см, лопасти 29 см, ручки 17 см. Ширина лопасти 6 см» [9, с. 343]. Примечательно и отсутствие у персонажа с колотушкой в руке какого-либо характерного шаманского одеяния, при наличии необычного, скорее всего, шаманского головного убора. Это позволяет соотнести данное изображение с особенностями архаичной процедуры изготовления кетского шаманского плаща из шкуры оленя: «Прежде, по сохранившимся преданиям, шаман сам должен был убить оленя-самца и окропить кровью («горячую кровью») металлические части, переходящая по наследству» [2, с. 70]. Так наличие одного шаманского атрибута при отсутствии другого сочетаемое с изображённым преследованием антропоморфом лосихи (лося), удостоверяет смысловое значение сцены, как погони молодого – начинающего кама за зверем с целью его добычи для изготовления шаманского плаща.

Одновременно эти мотивы, переданные в композиции Томской писаницы, и объединённые общим фактором обретения полного шаманского статуса-достоинства соотносятся с эвенкийской процедурой становления молодого шамана. При этом образ зверя преследуемого для добычи и изготовления сакрального атрибута – плаща олицетворяющего кетского кама, содержательно синонимичен матери-зверю эвенкийского шамана, к которой он идёт для перерождения и обретения своей шаманской сущности: «Когда молодой шаман и избравший его дух – предок шамана приходили в родовое поселение шаманских духов-предков, их, по представлениям эвенков, встречала лежащая у корней шаманского дерева мать-зверь шамана» [1, с. 143]. Это описание буквально иллюстрирует новая копия композиции, выполненная Е. А. Миклашевич [6, с. 153, рис. 12], где фигурируют все четыре персонажа-образа. Это шаман с колотушкой в виде антропоморфа в маске с головным убором – «корона» (?), его дух-предок в виде нарисованной охрой рогатой парциальной личины, «наблюдающей» за происходящим, мать-зверь шамана в виде лосихи и

схематичный символ Мирового дерева в виде фигуры с подовальным «корнем-стволом» на шее лосихи и возвышающейся над ней раздваивающейся на два также подовальных сегмента «кронь» (рис.).

Над корпусом лосихи почти параллельно «кроне» выбит и солярный знак (рис.) удостоверяющий структуру вертикальной градации композиции: «Дерево это росло на родовой священной горе (= собственно массив Томской писаницы – *И. К.*) и понималось как мировое дерево, олицетворяющее все три шаманских мира: корнями дерево вросло в нижний мир, вершиной упиралось в верхний мир, середине ствола помещался средний мир, т. е. земля; у основания дерева обитают мать-зверь шамана и её зооморфные духи» [1, с. 143]. Возможно (?) образы таких духов олицетворяют три подовальных изображения выполненные в технике граффити с внутренней смысловой орнаментацией, нанесённые под головой лосихи (рис.).

У эвенков «мать-зверь шамана, обитающая у основания шаманского дерева, якобы уничтожала прежнюю духовную субстанцию обращаемого в шаманы сородича и создавала вместо неё новую – звериного духа-двойника... Если в роли матери зверя шамана выступал зверь (лось, дикий олень, реже – медведь), тогда возникновение новой шаманской души будущего шамана мыслилось как рождение соответствующего зверя» [1, с. 144]. В композиции Томской писаницы такая сопричастность лосихи – матери-зверю шамана и стоящего за ней кама с колотушкой, вероятно, означает изображение конечности левой руки антропоморфного персонажа внутри контура задней части крупа лосихи (рис.). Такое расположение персонажей могло символизировать идею перевоплощения – нового рождения шамана в этом отличающем его от прочих смертных, особом качественном состоянии избранника духов.

При реконструкции смыслового значения данной мизансцены Томской писаницы фигурируют элементы селькупских, кетских и эвенкийских шаманских практик. Следовательно, истоки самодийских, кетских и тунгусо-манчжурских представлений об обретении шаманского дара восходят и к протосюжетам подобным нижнетомской композиции (рис.)

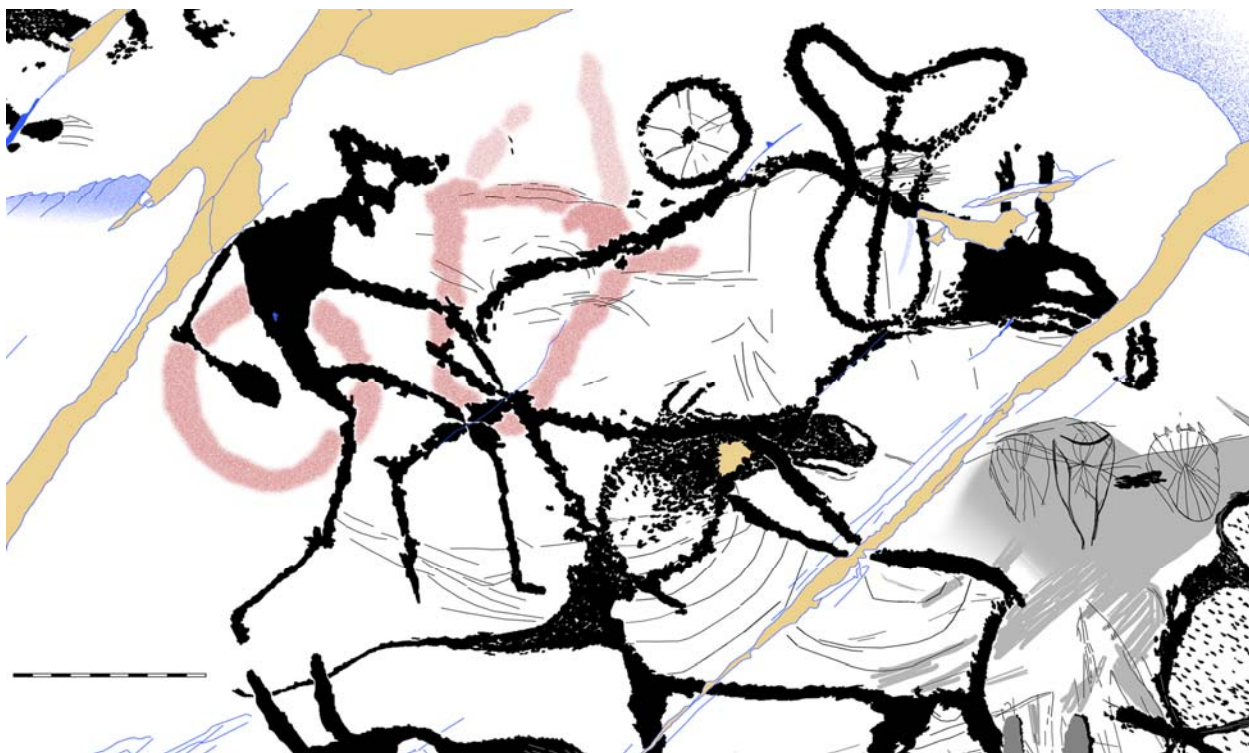

Рис. Композиция Томской писаницы включающая шамана, лосиху (мать-зверя), личину-«духа» и Мировое дерево (копия Е. А. Миклашевич)

Литература

1. Анисимов, А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований / А. Ф. Анисимов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 235 с.
2. Анучин, В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков / В. И. Анучин // Сборник Музея Антропологии и Этнографии при Императорской Академии Наук. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1914. – Т. II. 2. – 90 с.
3. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбил. гос. ун-та, 1984. – 1328 с.
4. Мартынов, А. И. Эхо веков / А. И. Мартынов. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1970. – 53 с.
5. Мартынов, А. И. Ценностные аспекты Томской писаницы / А. И. Мартынов // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: мат-лы Межд. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Т. I. – С. 63 – 69.
6. Миклашевич, Е. А. К изучению техники нанесения изображений Томской писаницы / Е. А. Миклашевич // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Вып. III. – С. 132 – 155.
7. Окладников, А. П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири / А. П. Окладников. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1974. – 124 с.
8. Окладников, А. П. Сокровища томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы / А. П. Окладников, А. И. Мартынов. – М.: Искусство, 1972. – 255 с.
9. Прокофьева, Е. Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана / Е. Д. Прокофьева // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. XI. – С. 335 – 375.

Информация об авторе:

Ковтун Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, заведующий лабораторией археологии ФГБУН Институт экологии человека СО РАН, 89235671050, ivkovtun@mail.ru.

Igor V. Kovtun – Doctor of History, Head of the Archaeological Laboratory, Institute for Human Ecology of the Siberian branch of the RAS.